И. Е. Суриков

АФИНЫ В VIII–VII вв. до н.э.:
СТАНОВЛЕНИЕ АРХАИЧЕСКОГО ПОЛИСА

(К вопросу о степени специфичности «аттического варианта»)

В статье оспаривается распространенное в литературе последнего времени мнение (И. Моррис и др.), согласно которому развитие Афин в архаическую эпоху имело уникальный характер и, в частности, в VII в. до н.э. характеризовалось отсутствием полисных структур. Доказывается, что афинское государство в рассматриваемый период эволюционировало нормальным путем. Имело место вначале формирование архаического полиса, а затем перерастание его в полис классический.

Ключевые слова: Афины, полис, архаическая эпоха, политогенез, эгалитаризм, гиперкритицизм.

Настоящая работа фактически представляет собой прямое продолжение нашей предыдущей статьи, опубликованной на страницах ВДИ¹, и развивает далее идеи, выдвинутые в ней, а также в недавнем докладе на одной из конференций в ИВИ РАН². Нам, собственно, хочется разобраться в вопросе: действительно ли процесс формирования полиса в архаических Афинах шел столь уникально и беспрецедентно по сравнению с остальной Грецией, как это подчас утверждается в современной западной историографии (см. ниже)? Вначале – в качестве, так сказать, пробного анализа, как *case-study*, – нам представилось уместным рассмотреть трансформацию афинского архонта, высшей полисной магистратуры. Это и было предпринято в указанной статье, и выяснилось, что в данном отношении говорить о какой-то принципиальной уникальности Афин не приходится. Точнее, можно, конечно, говорить и о ней, но только в той мере, в какой судьба любого из сотен греческих полисов была по-своему уникальной (ясно, что двух «полисов-близнецов» в Элладе просто не было). Таким образом, теперь можно остановиться на интересующей нас проблематике уже и в более общем плане.

Прекрасно известно, что для процесса политогенеза в античном греческом мире архаическая эпоха была ключевым временем³: ведь именно тогда рождался фено-

Суриков Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ Суриков 2012а.

² Тезисы см. Суриков 2011а.

³ В целом об этой эпохе греческой истории см. Суриков 2007а, 40–83, со ссылками на важнейшую предшествующую литературу.

мен полиса, закладывались основы «греческого чуда». Соответствующий термин «архаическая революция», призванный отразить «взрывной», в чем-то даже неожиданный характер имевших место перемен⁴, в какой-то степени даже уже набил оскомину: он постоянно используется, им злоупотребляют, и в результате сам термин может утратить какую-либо эвристическую ценность.

Более конструктивным представляется подход, предложенный выдающимся антиковедом, основателем направления «новой классической археологии»⁵ Энтони Снодграссом, который в своей замечательной, этапной книге «Архаическая Греция: эпоха эксперимента»⁶ указал, что резоннее говорить о двух «архаических революциях», которые имели место соответственно в начале и в конце периода архаики⁷.

Развивая эти соображения Снодграсса, мы в другой работе⁸ высказали идею о том, что в ходе первой из этих двух «революций» формировался греческий полис как таковой, причем пока еще в форме архаического полиса. Этот процесс в основном завершился к середине VII в. до н.э.; вторую же половину архаической эпохи охватывает складывание уже классического полиса (последний в типологическом плане отличен от архаического), закончившееся в передовых регионах эллинского мира к рубежу VI–V вв. до н.э.

Поясим нашу мысль. Мы настоятельно подчеркиваем необходимость различать между собой полис архаический и полис классический. Это, разумеется, не одно и то же; это – две стадии в развитии феномена. Специально оговариваем, что в категории «архаический полис» и «классический полис» мы вкладываем не столько хронологический, сколько именно стадияльно-типологический смысл. Дело в том, что даже и в классическую эпоху в греческом мире вполне можно было встретить полисы, остававшиеся еще на «архаической» стадии и не продвинувшиеся на «классическую». Если говорить о полисах крупных и известных, то таковы, бесспорно, Спарта, полисы Крита, Фессалии, в известной степени Аргос и др.

Соответственно, становление архаического и классического полиса – тоже два разных процесса, которые не следует смешивать друг с другом (при том, что оба имели в полной мере революционный характер). Так вот, мы считаем, что на протяжении первой половины эпохи архаики (VIII – первая половина VII в. до н.э.) произошло формирование архаических полисов из «осколков» распавшихся монархий микенского времени, через промежуточный этап протополиса. Главный элемент этого процесса – складывание системы полисных институтов. Следует упомянуть, в частности, постепенное создание набора базовых магистратур.

Вторую же половину архаической эпохи (с середины VII по рубеж VI–V вв. до н.э.) охватывает формирование классического полиса. Брать ли отдельные регионы или греческий мир в целом, – не может не броситься в глаза целый ряд принципиально новых реалий, появившихся именно на указанном хронологи-

⁴ В истории любого политогенеза можно выделять как периоды «спокойные», подчас просто стагичные, когда ничего или почти ничего принципиально не меняется, так и эпохи, характеризующиеся высоким динамизмом, «бурным потоком перемен». Ср.: Суриков 2012б, 310.

⁵ Основные теоретико-методологические принципы этого модного ныне направления изложены, например, в обобщающих трудах самого Снодграсса (1987; 2006).

⁶ Snodgrass 1981.

⁷ О первой из них см. также Morris 2009.

⁸ Дементьева, Суриков 2010, 10 слл.; Суриков 2010а, 13 слл.

ческом отрезке. Среди них – кодификация права⁹; введение гоплитской фаланги и нарастание связанных с ее социальными функциями эгалитарных тенденций¹⁰; резкая интенсификация внутривоиспольских смут (стасиса)¹¹ и, как результат, частое установление тиранических режимов, относимых наукой к так называемой Старшей тирании¹²; вытеснение архаичных форм зависимости (как долговая кабала или внеэкономическая эксплуатация покоренного местного населения) и развитие классического рабства¹³. Впрочем, дав здесь краткую справку обо всех этих процессах, в дальнейшем возвращаться к ним мы почти не будем, поскольку статья посвящена в основном более раннему времени, когда складывался архаический полис.

Исследование сложных перипетий становления полисной государственности (к тому же имевшего, разумеется, в различных областях Греции свою специфику) наиболее эффективным может быть при комбинированном использовании нарративной традиции и данных археологии. В настоящее время ощущается некоторая, на наш взгляд, чрезмерная акцентировка второй из названных двух категорий источников. Психологически это вполне понятно – как контраст нередко встречавшемуся ранее пренебрежению археологическим материалом со стороны антиковедов (по большей части нарративистов – историков и филологов-классиков), что порождало негативные последствия. Ныне же изучение греческой архаики преимущественно находится именно в руках археологов¹⁴.

Необходимо сказать и еще об одном факторе, породившем подобную ситуацию. Ныне вообще больше обращают внимание на первую, нежели на вторую полови-

⁹ Самые ранние из сохранившихся греческих законов, происходящие с Крита, датируются как раз второй половиной VII в. до н.э. О праве и законодательстве в архаической Греции см. Gagarin 1986; Koerner 1993; Hölkeskamp 1999.

¹⁰ Строго говоря, первые известные экземпляры паноплии относятся, кажется, еще к концу VIII в. до н.э. Однако наличие гоплитского вооружения не означает еще с неизбежностью наличия фаланги как таковой. Появление последней со значительно большим основанием можно датировать следующим столетием. Вопрос о генезисе гоплитской фаланги чрезвычайно дискусионен, по этой проблеме существует обильная литература (см. хотя бы: Hanson 1993; Wees 2000; Krentz 2002). В частности, и социальные последствия ее введения оцениваются неодинаково (в связи с этой контроверзой см. Суриков 2012в, 241–242). Как бы то ни было, даже если гоплиты и фаланга изначально были вполне аристократическим изобретением (а это наиболее вероятно), все же их внедрение, не приходится сомневаться, повело к тому, что военное дело стало более эгалитарным, чем прежде; это не могло не влиять и на эволюцию социально-политических структур.

¹¹ О стасисе, помимо классических трудов (Lintott 1982; Gehrke 1985), см. также Manicas 1982; Fisher 2000; Ober 2003.

¹² О Старшей тирании как о феномене, тесно связанном именно с процессом складывания классического полиса (в противопоставление Младшей тирании, возникшей в период кризиса классического полиса) нам уже приходилось писать: Суриков 2007б; 2011б, 33 слл. В целом литература о тиранических режимах в архаической Греции колоссальна. Нам хотелось бы только привлечь внимание к одному исключительно важному исследованию (к сожалению, пока недооцененному в историографии в той мере, в какой оно того заслуживает), в котором Старшая тирания великолепно поставлена в общий контекст тогдашней политической жизни: McGlew 1996.

¹³ В связи с этими процессами, дабы не растекаться мыслию по древу, укажем на новейшее исследование (Kurtatas 2011), а из библиографического аппарата в нем читатель при желании получит полное представление и об остальной существующей литературе.

¹⁴ См. оценку тенденций: Davies 2009.

ну архаической эпохи, что, в свою очередь, вполне понятно. Во-первых, прежде как раз активнее занимались событиями и процессами, имевшими место ближе к концу этого периода (причины станут ясны чуть ниже); они были изучены достаточно досконально, а вот то, что происходило ранее, как бы «тонуло во мгле». Во-вторых, на современном этапе развития науки резонно признается, что в целом для древнегреческой истории первая половина архаики, пожалуй, имела большее значение. «Корни» полисной цивилизации лежат именно там¹⁵, а в дальнейшем мы сталкиваемся в основном с реализацией уже заложенных тенденций.

Так вот, даже при беглом взгляде на архаическую Грецию просто-таки бросается в глаза, насколько неравномерно освещены в источниках эти два ее хронологических отрезка (ранняя архаика и поздняя архаика, как их будет уместно называть), – при том, что по продолжительности они примерно одинаковы. По сути дела, более или менее связную историю эллинских государств по нарративным свидетельствам удается писать лишь со второй половины VII в. до н.э. Сказанное справедливо в первую очередь для Афин (мятеж Килона 636 г. до н.э. и законодательство Драконта 621 г. до н.э., – в сущности, первые события в истории Афин, которые все признают достоверно известными и относительно точно датируемыми¹⁶), но совершенно аналогичную ситуацию имеем и в случаях с другими центрами. Так, применительно к Коринфу у нас есть только самые смутные представления о том, что происходило там до установления тирании Кипселидов в середине VII в. до н.э.¹⁷ Не иначе обстоят дела и с такими значительными полисами, как Милет¹⁸, Самос¹⁹, Мегары²⁰, Аргос²¹, да, в сущности, и Спарта (отсюда – все нескончаемые дискуссии о генезисе «ликургова космоса»).

Из этого и можно делать вывод о том, почему до середины XX в. ранняя архаика изучалась крайне слабо, а ныне, с выходом классической археологии на принципиально новый уровень, она, напротив, оказалась в фокусе внимания. Конечно же, потому, что применительно к первой половине архаической эпохи – ввиду столь явного дефицита достоверных письменных источников – об очень многом приходится судить с опорой почти исключительно на археологический материал. Если о периоде, когда действовали Килон, Солон, Писистрат, Клисфен, весьма часто (и вполне компетентно) писали исследователи, не имеющие специальных познаний в области археологии (хотя ныне уже и это становится затруднительным), то о периоде предыдущем ныне и слова ответственно нельзя сказать без этого.

Да, никому не может прийти и в голову усомниться в огромном значении достижений современной археологии для лучшего понимания истории архаической

¹⁵ Ср., например: Davies 1997.

¹⁶ Ср.: Суриков 2000, 78.

¹⁷ См. прежде всего Salmon 1997 (переиздание классического исследования, впервые вышедшего в 1984 г.). Здесь в интересующей нас связи нужно обратить внимание на всю первую часть книги. См. также: Kōiv 2003, 227 ff., 339 ff. Более оптимистический взгляд: Thomas, Conant 1999, 115 ff.

¹⁸ Об огромных сложностях, связанных с датировкой и интерпретацией многих событий раннеархаического Милета, см. Соломатина 2011.

¹⁹ Shipley 1987, 41 ff.

²⁰ Legon 1981, 41 ff.; Пальцева 1999, 28 слл.

²¹ Известно, как сильно «плавают» датировки даже такой крупнейшей фигуры раннеархаической истории Аргоса, как Фидон. См. к проблеме: Kōiv 2003, 239 ff. (с не очень убедительным отнесением этого правителя к VIII в. до н.э.; первая половина следующего столетия выглядит гораздо вероятнее).

Греции. Но тем не менее любая односторонняя крайность вредна, особенно когда абсолютизация археологических данных (то, что мы однажды, правда, в другой связи, назвали «ультра-археологическим подходом» и определили как редукцию к следующей принципиальной, хотя обычно эксплицитно не высказывающейся, презумпции: «все события и процессы античной истории должны были получить отражение в археологическом материале, и если такое отражение не прослеживается, то это достаточное основание ставить под сомнение или отрицать само событие или процесс»²²) сочетается с гиперкритическим отношением к письменным источникам, вплоть до их игнорирования.

А примеры подобного рода – не редкость. Так, Иан Моррис, второй по авторитетности после Э. Снодграсса представитель «новой классической археологии», около четверти века назад опубликовал известную книгу «Погребения и античное общество»²³, которая фактически произвела сенсацию в науке акцентированной новизной утверждений. В этой работе автор, в частности, убедительно показал на чисто археологическом материале, в основном путем анализа погребений, что в середине VIII в. до н.э. в Афинах (а также в ряде других центров – Аргосе, Коринфе) имели место чрезвычайно серьезные изменения социально-политического плана. В них он видит именно рождение полиса, и это совершенно верно.

Сказанное нуждается в пояснении. В свое время произвели весьма убедительное впечатление на коллег выкладки Снодграсса²⁴ о вроде бы имевшем место как раз тогда же – в середине VIII в. до н.э. – мощнейшем демографическом взрыве в Элладе. Его выводы стали хрестоматийными, и поныне повсеместно ими пользуются²⁵. Нужно, однако, отдавать себе отчет в том, какими конкретными реалиями они обусловлены. Укажем: прежде всего резким возрастанием во второй половине названного столетия количества обнаруженных *погребений*. Иными словами, люди стали в несколько раз чаще умирать. Действительно, закономерен вывод, что для этого их, как минимум, должно было намного больше и рождаться? Не всех подобный ход мысли устроил. Так, Дж. Кэмп²⁶ предложил иную точку зрения (впрочем, мало кем безоговорочно принятую): люди стали чаще умирать потому, что в конце VIII в. до н.э. Аттику постигла беспрецедентная засуха.

Но тут властно прозвучал тезис И. Морриса, гласящий: количество известных нам погребений указывает не на количество умерших (и, соответственно, за какое-то время до того родившихся) в целом, а на количество умерших, которым было разрешено официальное погребение (**formal burial**). **Последнее в рамках рассматриваемой концепции выступает неким статусным признаком.** В представлениях Морриса (да и отнюдь не только его одного) жители раннеархаических полисов делились на *ἀγαθοί* и *κακοί*, с трактовкой этих категорий в социологическом смысле (соответственно, как элиты и простонародья)²⁷. Впрочем, по Моррису, эта

²² Суриков 2009а, 195. Этот подход является, в сущности, предельным выражением тенденций, заложенных в самом направлении «новой классической археологии», которое стремится сделать археологическую науку независимой от исторической.

²³ Morris 1987.

²⁴ Snodgrass 1981, 19 ff.

²⁵ Берем в руки первый попавшийся обобщающий труд – и там встречаем этот постулат о демографическом взрыве (Андреев 1988, 234).

²⁶ Camp 1979.

²⁷ Признаться, у нас вызывают серьезные сомнения (и чем дальше, тем больше) подобные социологические интерпретации названных терминов. Нам трудно представить, чтобы кто-либо (будь то хоть Терсит!) сам осознавал себя как *κακός*. Мы все сильнее склоня-

элита (ἀγαθοί) составляла в количественном отношении 25–50% взрослого населения²⁸. Право же, можно ли такой мощный слой определять как элиту? Тут, пожалуй, более уместной была бы формулировка «элита плюс средний класс». Иными словами, в эту группу входили знатные богачи, а также лица среднезажиточные, а в группу како́ – бедняки.

И. Моррис считает, что на протяжении протогеометрического, раннегеометрического и среднегеометрического периодов (т.е. в общей сложности на хронологическом отрезке около 1050–750 гг. до н.э.) како́ были лишены права на официальное погребение. В результате они как бы археологически не существуют для нас, что и ведет к заниженным оценкам численности населения до второй половины VIII в. до н.э. Признаться, все это не вполне понятно. Ибо встает вопрос: а каким же образом поступали со своими умершими бедняки, если они их не хоронили? Выбрасывали на съедение зверям и птицам? Это немножко отдает абсурдом. Сжигали, а пепел развеивали? Но кремация – обряд более дорогостоящий, чем ингумация, и более чем сомнительно, что он мог когда-либо являться основным для беднейшей части населения.

Впрочем, оставим наши недоумения при себе (в конце концов, в современной археологии, при ее весьма продвинутом уровне, немало таких премудростей, которые непостижимы для «простых смертных»²⁹) и продолжим изложение концепции Морриса. Итак, по его мнению, в позднегеометрический период (а это и есть ключевая для нас вторая половина VIII в. до н.э.), в отличие от предшествующих, официальное погребение стало доступным также и для како́. Это и создало у исследователей иллюзию демографического взрыва. В действительности же, с точки зрения ученого, како́ были уравниены с ἀγαθοί, получили статус граждан. А это означает рождение полиса, ибо для Морриса ключевой признак феномена полиса (даже архаического) – эгалитаризм³⁰.

емся в пользу их этической трактовки (см. предварительные замечания: Суриков 2009б, 35–36) и намерены в дальнейшем рассмотреть вопрос подробнее, причем обязательно на страницах ВДИ.

²⁸ Morris 1987, 94.

²⁹ Проиллюстрируем это таким примером (кстати сказать, тоже имеющим прямое отношение к погребальным обрядам): не так давно А.А. Завойкин и Н.И. Сударев (2006а; 2006б) в серии статей рассмотрели боспорские погребения с оружием VI–V вв. до н.э., и полученные выводы нашли отражение также в докторской диссертации А.А. Завойкина (2007, 32–35). Оппонируя эту диссертацию, мы не могли не подметить некоторые вещи, которые кажутся странными историку-нарративисту. Так, принимается следующий постулат: если погребение содержит вооружение, то оно принадлежит военному, а если не содержит – то «гражданскому лицу». Соответственно, чем больше (для такого-то периода или полиса) погребений с вооружением, тем, значит, больше полисная армия. Однако нам не вполне ясно, что такое «гражданские лица» в условиях полиса, когда армия являлась ополчением граждан и фактически совпадала с гражданским коллективом. Соответствующее отношение – к выражениям в духе «Нимфей наращивает (с нуля) армию» и т.п. Невозможно допустить, что в полисе в какой бы то ни было момент армия равняется нулю: это означало бы, что в полисе нет граждан. Так рассуждали мы, «непосвященные». А вот коллеги-археологи высоко оценили эти разработки А.А. Завойкина и Н.И. Сударева, признав предложенную ими модель анализа погребений весьма перспективной. Возможно, мы были тогда и не вполне правы. Пришлось же нам позже писать, в частности, что в Афинах (в VI в. до н.э.) бывали времена, когда отсутствовало полисное ополчение: Суриков 2010б, 47 слл.

³⁰ Morris 1992a, 41 ff.; 2004, 45 ff.; 2009, 73 ff. Ср. также: Raaflaub, Ober, Wallace 2007, 22 ff.

Э. Снодграсс полемизировал с новой идеей³¹, но, впрочем, достаточно мягко, указывая, что по-своему правы и он, и И. Моррис, а главное – что между их концепциями, наряду с различиями, имеются и черты существенного сходства. Так, Моррис ведь не отрицает в принципе сам факт значительного роста населения в VIII в. до н.э., а просто полагает, что Снодграссом этот рост преувеличен³² и что в любом случае не все им объясняется. С другой стороны, и сам Снодграсс ныне, кажется, склонен признать, что его первоначальные оценки мощности демографического взрыва были несколько завышенными.

Ученый пишет: «Думаю, что детализированные аргументы Морриса убедят большинство читателей. Он признает, что около середины VIII в. до н.э. имел место *некоторый* рост афинского населения, но только в гораздо более скромном масштабе, чем казалось мне; и в историческом плане он был менее значим, чем резкая перемена в размере “группы, заслуживающей погребения”. Но особенно поразительно то, что объяснение, данное Моррисом этой важной перемене в общественной жизни, в сущности, совпадает с тем, которое я ранее предложил для предполагаемого роста населения: в основе лежит появление афинского полиса. То, что мне виделось демографическим взрывом, способствовавшим ускорению формирования государства, Моррис трактует как только что сложившийся коллектив граждан с семьями, заявляющих права на официальное погребение такого типа, который ранее был лишь привилегией для избранных: ближайшая причина стала непосредственным следствием. Если мы оба не ошибаемся, оказывается все более вероятным, что в VIII в. до н.э. в Афинах начали происходить **коренные перемены**»³³.

Итак, с точки зрения археологов, при всех различиях в нюансах, в середине VIII в. до н.э. в Афинах сформировался полис. С этим спорить невозможно и не нужно. Но вот на что хотелось бы обратить внимание. Моррис так и остается на чисто археологической почве, поскольку он даже не попытался сопоставить свои выводы с сообщением традиции (Castor FGrHist. 250. F 4), относящим как раз *к этому самому времени* (к 753–752 гг. до н.э.) такую принципиальную реформу афинского государственного устройства, как ликвидация пожизненной царской власти и переход к десятилетнему архонтату, иными словами, по сути дела, то же самое рождение полиса со свойственной ему системой магистратур из примитивной протополисной монархии³⁴.

Судя по всему, это даже и не пришло ему в голову, помешал субъективно-гиперкритический настрой: если достаточно поздний источник³⁵ сообщает о весьма ранних событиях, то эти данные можно вообще не принимать во внимание, как будто бы их и нет. В результате гиперкритики, как неоднократно отмечалось³⁶, вынуждены на место источникового материала ставить собственные умозрительные реконструкции, и совершенно непонятно, чем последние лучше первых.

³¹ Например: Snodgrass 1992, 16 f.

³² По мнению Морриса, население возросло не в семь раз за шестьдесят лет, как считал Снодграсс, а лишь в три раза. Но даже и эта цифра впечатляет.

³³ Snodgrass 1992, 16 f.

³⁴ Также нашу критику см.: Суриков 2007а, 44 слл.; 2011а; 2012а, 39.

³⁵ Хотя, кстати, Кастор, автор вышеупомянутого фрагмента, – писатель более ранний, чем, например, Плутарх. А в мире найдется, полагаем, не так уж много столь смелых антиковедов, которые решатся совершенно игнорировать Плутарха как источник. О ценности свидетельств Плутарха применительно к архаике см., например: Blois 2006.

³⁶ См. хотя бы: Фролов 1988, 18 слл.

В связи с гиперкритицизмом мы просто вынуждены обозначить, во избежание недоразумений, свою принципиальную позицию, уже не в первый раз³⁷ (уж очень это животрепещущая тема, когда занимаешься архаикой).

Чрезмерное господство этого гиперкритического направления в оценке источников стало одной из досадных издержек современного этапа изучения архаической греческой истории (преимущественно в западном антиковедении). Жертвой данного подхода становится в первую очередь нарративная традиция. Как известно, для «ранней Греции» существует лишь очень малое количество современных эпохе письменных источников. Причем они ограничены не только в количественном отношении, но и в тематическом. В частности, собственно исторические труды появляются только на самом закате архаической эпохи. Это – произведения так называемых «логографов», от которых к тому же дошли лишь жалкие фрагменты. Приходится довольствоваться литературными памятниками других жанров, особенно поэзией: гомеровским и гесиодовским эпосом, лирикой VII–VI вв. до н.э. Но ведь это – весьма специфические источники, из которых информацию о многих сферах бытия в принципе невозможно почерпнуть, поскольку она в них никогда и не содержалась.

А в то же время существует достаточно богатая нарративная традиция о греческой архаике, но созданная в более позднее время, в классическую, эллинистическую, римскую эпохи. Среди представителей этой традиции – крупные историки, ученые: Геродот и Фукидид, Аристотель и Плутарх, Диодор и Павсаний... Но все они жили позже (порой – намного позже) тех событий, которые ими описываются. Потому-то адепты гиперкритической тенденции откровенно недооценивают сообщения этих авторов об архаическом периоде, а то и просто пренебрегают ими. Считается, что они не могли сохранить достоверных данных о том, чего не видели своими глазами.

Характерно, например, встреченное нами высказывание одного западного антиковеда³⁸: он-де является учеником Финли и поэтому считает недостоверной всю афинскую историю вплоть до Пелопоннесской войны. Откровенная, но вряд ли конструктивная позиция! Никто не будет спорить с тем, что сведения по эпохе архаики, содержащиеся даже у Геродота и Фукидида (не говоря уже о Плутархе, Павсании и др.), подлежат критическому анализу. Но критический анализ и отбрасывание «с порога» – отнюдь не одно и то же.

Ведь очень часто гиперкритицизм порождает выборочный и произвольный подход к сведениям источников. Исследователь берет только те данные, которые укладываются в разделяемую им общую схему, подкрепляют ее. А те, которые ей противоречат, отбрасываются как не содержащие в себе зерно истины. Вряд ли такого рода субъективизм полезен для науки.

Нередко можно встретить эксплицитное суждение о том, что только археологические данные могут служить в полной мере достоверным источником по истории ранней Греции. И опять же: уже из сказанного выше в данной статье, наверное, видно, что мы ни в коей мере не хотим умалить значение археологии для изучения этого исторического этапа античности. Это значение, без сомнения, колоссально. Но – снова и снова не скроем наше недоумение – почему нужно трактовать данные археологии изолированно? Пример, приведенный чуть выше, со всей ясностью демонстрирует, что гораздо более перспективным представляется комплексная

³⁷ Ср.: Суриков 2007а, 43 слл.

³⁸ Todd 1991, 47.

корреляция двух основных типов свидетельств: письменных источников и вещественных памятников. Оказалось, что анализ материала, независимо почерпнутого из этих двух сфер, дает фактически один и тот же результат, в том числе и в хронологическом отношении. А это, полагаем, о чем-то говорит?

Подчеркнем: наш протест против гиперкритицизма отнюдь не следует понимать в том смысле, что мы призываем вовсе отказаться от критики нарративных источников. Есть две в равной мере досадные крайности – гиперкритическая презумпция и безграничное, буквалистское доверие к тексту источника. Если на первых стадиях развития антиковедения Нового времени торжествовала крайность, упомянутая последней, то со времен Нибура все чаще «перегибают палку» в противоположную сторону.

Гиперкритицизм, может быть, в свое время был понятен как естественная реакция на некритическое следование источнику и даже в чем-то полезен. Но теперь, как представляется, свою функцию он выполнил и стал скорее тормозом развития научного знания об античности. Вместо того, чтобы с упорством, достойным лучшего применения, держаться за него, как и по сей день делается на Западе, от этого подхода давно пора бы отказываться. Исследования последних лет³⁹ убедительно показывают, что даже применительно к крито-микенской эпохе (!) нарративная традиция I тыс. до н.э. содержит массу ценнейшей и аутентичной информации. Необходимо только научиться правильно согласовывать эту информацию с данными археологии – и результаты оказываются впечатляющими. Тем более сказанное должно относиться к эпохе архаики. Работы западных антиковедов, зачастую исключительно богатые как фактологическим материалом, так и идеями, страдают именно от неверной методологической установки.

В то же время и брать всю историческую информацию, скажем, того же Аристотеля «как она есть», как полную и безусловную истину, неправомерно⁴⁰. Это означает одновременно и переоценку и недооценку античных писателей. Переоценку – поскольку негласно постулируется, что автор IV в. до н.э. имел в своем распоряжении исчерпывающую и неоспоримо достоверную информацию о событиях пятисотлетней (и более) давности, но при этом не ставится вопрос, откуда бы такая информация ему была доступна. Недооценку – поскольку великий Аристотель в рамках такого подхода воспринимается как некий туповатый хронист без всяких признаков оригинальных идей или фантазии, способный только на то, чтобы механически воспроизводить факты. Но ведь прекрасно известно, насколько в действительности собственные взгляды основателя перипатетической школы окрашивали его повествование о событиях прошлого! К тому же он стоял в конце длительной историографической традиции классической эпохи, имел целый ряд предшественников (применительно к афинским реалиям – прежде всего аттидографов), чьими трудами постоянно пользовался. А каждый из этих предшественников тоже был не летописцем, а исследователем⁴¹, тоже имел круг собственных мнений, влиявших на изложение.

Необходимо пройти «между Сциллой и Харибдой». Наряду с крайними позициями существует ведь и «золотая середина», путь умеренной критики⁴². Только этот путь позволяет прийти к плодотворным результатам.

³⁹ См. хотя бы: Гиндин, Цымбурский 1996; Молчанов 2000; Немировский 2002.

⁴⁰ В связи с этим ср. также: Суриков 2007в, 37.

⁴¹ Суриков 2011в, 11 слл., 83 слл.

⁴² См. в связи с этим важные методологические замечания: Немировский 2001, 3 слл.

Сделаем несколько наметок к поискам этого среднего пути. Как работать с данными античного автора, который отделен от описываемой им эпохи столетиями? Во-первых, прослеживается следующая закономерность. Непосредственные эмпирические факты, которые сообщаются даже такими довольно поздними писателями, как Диодор, Плутарх и др., как правило, заслуживают доверия. Их вряд ли следует отвергать – конечно, за исключением тех случаев, когда эта информация либо вступает в прямое противоречие с заведомо более аутентичными источниками, либо она сама по себе внутренне противоречива.

С другой стороны, необходимо проводить четкое разграничение между фактами и их интерпретациями. Как раз эти интерпретации у поздних авторов и являются тем, что далеко не всегда и не во всем заслуживают доверия. Даже Аристотель, отделенный от событий V в. до н.э. всего лишь столетием, при рассказе о них (в частности, в «Афинской политике») подчас не вполне корректен в их трактовке, дает порой упрощенную и одностороннюю картину политической жизни, в определенной степени модернизирует ситуацию и судит о более ранних эпохах с помощью категориального аппарата своего времени, во многом чуждого реалиям ранней классики. В тем большей мере сказанное относится, например, к аристотелевскому анализу реформ Солона и породившего их кризиса. Факты изложены в основном верно, но их интерпретация умозрительна, априорна⁴³.

Еще более сомнительными, откровенно риторическими, наивно-морализаторскими бывают трактовки фактов у Плутарха. Мы, таким образом, не обязаны слепо следовать всем рассуждениям, встречающимся у того или иного автора, но сообщаемые им факты мы, безусловно, всегда должны учитывать.

Во-вторых (это тесно связано с тем, что было отмечено чуть выше), историческая память античности, очевидно, по какому-то закону общечеловеческой психики, лучше, надежнее фиксировала одни вещи и значительно хуже – другие. К первым относятся как раз факты, события, личности; ко вторым – процессы, реалии, институты. Выражаясь, может быть, несколько упрощенно, позволим себе заметить, что нарративный источник, как правило, в гораздо большей степени дает нам достоверно знать о том, *что* произошло, чем *как* это произошло. Тут уже начинаются детали, а детали – идеальное поле для искажения.

* * *

Хотелось бы специально остановиться на критике другой идеи И. Морриса, – на наш взгляд, глубоко ошибочной, но тем не менее почему-то весьма востребованной в антиковедении⁴⁴. На тех же археологических данных исследователь приходит к парадоксальному заключению⁴⁵: в отличие от большинства развитых

⁴³ Пожалуй, в наибольшей степени эта особенность оттенена в книге: Day, Chambers 1962.

⁴⁴ Не все в науке определяется внутринаучными факторами. В Америке М. Бернал том за томом пишет свою «Черную Афины» (относительно недавно вышел третий том: Bernal 2006), в которой настаивает на афроазиатских корнях не только греческой цивилизации, но и самого греческого этноса. Теория эта – совершенно несостоятельная (см. аргументированную критику: Hall 1992), однако она стала чрезвычайно популярной. Причина проста: высказывания Бернала – этого американского Льва Гумилева, – разумеется, весьма лестны для афроамериканской составляющей населения США, сильной и влиятельной во всех смыслах.

⁴⁵ Morris 1987, 205 ff.

регионов Греции (Аргос, Коринф и др.), где полис, возникнув в середине VIII в. до н.э., далее так и продолжал развиваться, в Афинах данный процесс в конце того же столетия был свернут усилиями консервативной аристократии, и афинское государство надолго, на целый век перестало быть полисом, а вновь стало таковым лишь в результате реформ Солона 594 г. до н.э. Таким образом, для Афин здесь постулируется совершенно уникальный, не имеющий параллелей в эллинском мире вариант развития, приобретшего на определенном этапе регрессивный характер. Основанием для подобного вывода становится у Морриса опять же в основном анализ погребений: по его мнению, в этой сфере после 700 г. до н.э. в определенной мере восстанавливается динамика, схожая с той, которая имела место до 750 г. до н.э.

В рассматриваемой монографии, относящейся к ранним работам И. Морриса, изложенный тезис высказывается с большим полемическим задором; в последующих своих исследованиях этот ученый стал куда осторожнее, значительно смягчил свою позицию⁴⁶. Однако его идея об отсутствии полисных структур в Афинах в VII в. до н.э., – насколько можно судить, именно в силу своей необычности, экзотичности – была с энтузиазмом воспринята некоторыми другими специалистами. Бывает так, что точка зрения, на момент своего возникновения являющаяся «еретической», со временем превращается едва ли не в «новую ортодоксию»; нечто подобное довольно быстро произошло и в рассматриваемом случае. Ныне это представление подчас уже воспринимается как доказанный факт, как нечто само собой разумеющееся и служит уже опорой для дальнейших концептуальных построений. При этом ссылаются не на какие-то факты или новые появившиеся данные, а по сути – единственно на сам тезис Морриса, как на *ultima ratio*. Более того, формулируют этот тезис в еще более заостренной и категоричной форме, нежели сам его автор, стремятся быть, так сказать, «католичнее папы римского».

Так, Дж. Альмейда в книге о политической поэзии Солона⁴⁷ всецело исходит из того, что Моррис прав и Солону пришлось восстанавливать в Афинах ранее исчезнувшую полисную государственность⁴⁸. Соответственно, с этой точки зрения он и рассматривает стихи великого законодателя. Особенный упор ученый делает на мысли о необходимости справедливости (*δίκη*), часто встречающиеся у Солона⁴⁹; причем саму концепцию справедливости он считает ключевым элементом самой «идеи полиса». В этом отношении Альмейда опять же идет за Моррисом: мы уже видели, что в представлениях последнего для полиса всего важнее эгалитаризм, предполагающий, в частности, справедливое, то есть равное, участие граждан в жизни общины.

В подобном ходе мысли, в принципе, есть немало верного. Ведь не случайно же, что первым на греческой почве певцом справедливости, «богини Дики», стал Гесиод – как раз в период формирования архаического полиса. А в литературе неоднократно отмечалось⁵⁰, что Солон прекрасно знал поэмы Гесиода и во многом ориентировался и опирался на их традицию, – хотя при этом очень сильно перерабатывал эту традицию с целью сделать ее более актуальной для новой эпохи с изменившимися условиями. Подчеркнем: условия были именно изменившимися,

⁴⁶ Например: Morris 2009.

⁴⁷ О которой см. также: Anhalt 1993; Mülke 2002; Irwin 2005.

⁴⁸ Almeida 2003, 159 ff.

⁴⁹ Almeida 2003, 207 ff.

⁵⁰ Например, Irwin 2005, 155 ff.; Blaise 2006.

новыми. А если доводить теорию Морриса до ее логического предела, то получается, что Солон в Афинах на рубеже VII–VI вв. до н.э. находился примерно в такой же ситуации, какая была в гесиодовской Беотии на столетие с лишним раньше⁵¹: в ситуации, когда рождается полис. Однако подобное ни из чего не вытекает (подробнее мы это покажем ниже), явным образом не соответствует действительности, да и – скажем прямо – просто невысказано. Да, у Солона и вправду тема справедливости занимает немалое место. Но почему это должно означать, что Солон возрождал афинский полис из небытия? Кстати, нужно еще разбираться, насколько пресловутая солоновская справедливость была эгалитарной. Знаменитый мудрец – посмотреть ли на его литературное творчество или на практическую деятельность – отнюдь не производит впечатления адепта всеобщего равенства⁵².

Ф. Стенли в монографии, вышедшей несколькими годами раньше⁵³, – в ряде выводов достаточно интересной, хотя и не лишенной некоторых странностей⁵⁴, руководствуется тем же самым «моррисовским» постулатом, опять же доводя его порой до крайности. Разбирая экономические реформы Солона, он приходит к выводу, что законодатель «возродил Афины в качестве полиса, развивающегося в том же направлении, что и другие части Греции»⁵⁵. Ранее, в VII в. до н.э., имел место перерыв в этом развитии»⁵⁶. Так ли это в действительности – нам уже вскоре предстоит увидеть.

Автор, о котором сейчас идет речь, вообще склонен к теоретизированию. Так, он постулирует три возможных варианта развития политической жизни в греческих полисах VIII–VII вв. до н.э. По его мнению, в каждом полисе в рассматриваемый период имелись три основные борющиеся силы: цари, аристократия и верхушка демоса (зажиточные крестьяне-гоплиты). Соответственно, могли объединяться либо аристократы с верхушкой демоса против царей (случай Коринфа, где это повело к ликвидации монархии и установлению олигархии Бакхиадов), либо цари с

⁵¹ В связи с общей ситуацией, отраженной у Гесиода, см. Thomas, Conant 1999, 144 ff.; Edwards 2004; Ulf 2009.

⁵² Точнее говоря, он был адептом «геометрического» равенства («каждому – по заслугам»), а не равенства «арифметического» («всем – одинаковые права»). Не можем здесь рассматривать этот вопрос подробнее. Во многом (хотя и не во всем) верны суждения, высказываемые в работе: Туманс 2007. Отметим еще, что некоторое внешнее сходство гесиодовских и солоновских идей может объясняться тем, что первые коррелировали со становлением архаического полиса, а вторые высказывались в те времена, когда складывался полис классический (этот нюанс не учитывается И. Моррисом и его последователями, на чем мы еще остановимся ниже, в конце статьи). Понятно, что начальные фазы двух разных этапов греческого политогенеза должны были иметь между собой нечто общее (по «принципу спирали»).

⁵³ Stanley 1999.

⁵⁴ Так, желательнее было бы, чтобы в книге, озаглавленной «Экономические реформы Солона», побольше говорилось именно об *экономических реформах Солона*. Однако в трехсотстраничной работе им уделено около полусотни страниц, остальные же посвящены общим соображениям об экономической ситуации в Афинах и в Греции в целом в досолоновские и послесолоновские времена. Если бы не этот странный дисбаланс, можно было бы назвать эту монографию наиболее фундаментальной (или, по крайней мере, наиболее объемной) из имеющихся по проблематике, обозначенной в ее заголовке. Из более ранних см. Woodhouse 1965 (переиздание книги, впервые вышедшей в 1938 г.).

⁵⁵ Уже сама эта формулировка порождает вопросы. Что, разве для *всех* «частей Греции» характерно одинаковое развитие? Давайте сравним хотя бы Ионию и, скажем, Этолию.

⁵⁶ Stanley 1999, 258.

верхушкой демоса против аристократов (случай Аргоса, где на этой «волне» поднялся Фидон⁵⁷), либо цари с аристократией против верхушки демоса (случай Спарты, где в результате утвердилось ее уникальное государственное устройство)⁵⁸. В Афинах, полагает Стенли, события пошли (вначале) скорее по «аргосскому» пути⁵⁹.

Сказанное, бесспорно, наводит на некоторые достаточно результативные размышления, но тем не менее все это «вилами по воде писано». Поневоле снова и снова приходится удивляться «двойным стандартам» гиперкритиков: с одной стороны, они готовы отказать в доверии свидетельствам источников, которые, дескать, недостаточно строго отражают действительность, а с другой – самим себе позволяют куда более смелый «полет мысли»⁶⁰. Нам, со своей стороны, еще хотелось бы отметить: ничто, в общем-то, не позволяет отнести Афины раннеархаического времени к «аргосскому» пути. Ровно ничего, хоть отдаленно напоминающего деятельность Фидона, мы в эту эпоху в Аттике не встретим. Подробнее о том, что в действительности имело место, будет сказано чуть ниже.

Мы могли бы указать и на другие примеры того, как интенсивно сейчас развивается восходящее к Моррису представление об отсутствии полисных структур в Афинах VII в. до н.э. Но, думается, приведенных иллюстраций достаточно. Обратимся теперь к анализу данной точки зрения по существу.

Что же все-таки говорят нам по этому поводу факты, сохранные нарративной традицией? Характерно, что из них вырисовывается картина полярно противоположная взглядам И. Морриса и его последователей. На протяжении VII в. до н.э. в Афинах, во-первых, происходило дальнейшее развитие системы архонтских магистратур. Подробно этот вопрос рассмотрен нами в предыдущей статье на страницах ВДИ⁶¹, а здесь мы дадим краткую характеристику процесса, опираясь на сделанные там выкладки.

Еще в конце предшествующего столетия получили право становиться архонтами не только члены бывшей царской династии Кодридов-Медонтидов, как прежде, но и все другие афинские евпатриды. Иными словами, была ликвидирована монополия одного рода на высшую магистратуру. Бесспорно, здесь перед нами победа аристократических сил над монархическим принципом, воплощенным в Медонтидах. Вполне вероятно, что это повело одновременно и к ухудшению положения рядовых жителей Аттики, которые стали оказываться по отношению к знати

⁵⁷ Наличие басилеев из рода Теменидов, т.е. потомков Фидона, зафиксировано в Аргосе вплоть до первой половины V в. до н.э. (Robinson 1997, 82 f.). О династии Теменидов в целом см. Молчанов 2004.

⁵⁸ Stanley 1999, 128.

⁵⁹ П. Стенли, будучи последователем И. Морриса, тоже «не замечает» реформу 753 г. до н.э. и поэтому расплывчато пишет, что в Афинах «институт царской власти был отменен к 682/681 г. до н.э., когда была впервые учреждена годичная должность архонта» (Stanley 1999, 150).

⁶⁰ Как тут не вспомнить, что Моррис (1992b, 108 ff.) весьма сочувственно отнесся к выкладкам Э. Фрэнсиса и М. Вickers, безответственно предлагающих очень серьезно передатировать всю позднеархаическую и раннеклассическую аттическую расписную керамику (а заодно уж и все с ней хронологически сопряженное, – например, древнейшие афинские монеты). См. Francis 1990; Vickers 1985; 1990. «Новая хронология» Фрэнсиса–Вickers неоднократно подвергалась суровой критике: Cook 1989; Williams 1996; Суриков 2006а, 63 сл.; 2006б.

⁶¹ Суриков 2012а.

в различных формах зависимости, что и отразилось в сообщениях источников о пелатах, «шестидольниках» (гектеморах), кабальных должниках и т.п. в предсолоновское время⁶². Ранее царская власть, пока она не сошла на нет, худо-бедно защищала крестьян от произвола «сильных». Опыт самых разных стран и эпох показывает, что институт монархии, всегда претендующий на надсословность, стремится поэтому сохранять определенный баланс в социуме между основными слоями населения – аристократией и простонародьем⁶³. В случае же усиления аристократии, «дрейфа» от монархического устройства к олигархическому (а именно это мы наблюдаем в Афинах) перемены ударяют не только по царям, но и по этому самому простонародью.

В этом смысле, может быть, и имеет определенное резонансное определение Моррисом Афин VII в. до н.э. как «реакционного» государства⁶⁴. Но это ни в коей мере не означает, что они не являлись тогда полисом. Полисы могли быть очень разными. В той же эволюции архонтата, наряду с расширением круга лиц, имевших к нему доступ, происходили и другие процессы. В 683 г. до н.э. архонтат был сделан из десятилетнего годичным, и это очень важный шаг. Еще некоторое время спустя коллегия архонтов сформировалась в своем окончательном, «классическом» составе: эпоним, базилей, полемарх и шесть фесмофетов. В целом можно сказать, что к середине VII в. до н.э. система магистратур в Афинах в общих чертах сложилась, что следует считать завершением складывания архаического полиса в интересующем нас регионе.

Позже встречаем и ряд иных новых явлений. К 636 г. до н.э. относится первая попытка установления в Афинах тирании – известный мятеж Килона, который, впрочем, окончился неудачей ввиду упорного сопротивления гражданского коллектива и, несомненно, был преждевременным. Интересно, что демос не поддержал Килона, а напротив, встал на сторону аристократических вождей, подавлявших путч (Thuc. I. 126. 7–8)⁶⁵. Так, может быть, не так-то уж он и притеснялся знатью, коль скоро даже не попытался выразить свой протест, принять участие в попытке свержения ее владычества?

Далее, в 621 г. до н.э. Драконтом введен первый свод письменных законов. Поздно это или рано? Вероятно, несколько попозже, чем были изданы древнейшие законы на Крите, этой «колыбели греческого права». Может быть, даже чуть позже, чем действовал Залевк в Великой Греции (хотя, вообще говоря, хронология Залевка и тем более Харонда крайне дискуссионна). Но если брать в общем контексте

⁶² Хотя в целом вопрос этот весьма сложен. Подробнее см. Суриков 2007в (с анализом предшествующей литературы).

⁶³ Этот принцип, пожалуй, столь же древен, как сама монархия. Вот как характеризует В.А. Якобсон известную клинописную надпись Уруинимгины, царя шумерского Лагаша III тыс. до н.э., в которой тот рассказывает о своих реформах: «Уруинимгина сообщает, что... он принял меры к устранению злоупотреблений и вообще к тому, чтобы богатый не притеснял бедного, а сильный – слабого, и чтобы сирота и вдова не были отданы во власть важных персон. Этот лейтмотив защиты слабых от сильных повторяется затем в различных вариантах на протяжении многих веков...» (Якобсон 2012, 105).

⁶⁴ Morris 1987, 205. Интересно, кстати, что это повлекло негативные тенденции и в области экономики. Именно в VII в. до н.э. Афины уступают Коринфу лидирующую позицию в керамическом производстве, которая ранее им принадлежала. Они вновь перехватывают лидерство в этой области уже после солоновских реформ. Да и в целом в VII в. до н.э. в Аттике наблюдается какая-то общая стагнация (Суриков 2005, 106; 2008, 35 сл.).

⁶⁵ В связи с этим пассажем Фукидида см. Ellis 1994.

архаической истории эллинского мира, то по времени старта «первоначальной законодательной реформы»⁶⁶ Афины отнюдь не в арьергарде.

Еще лет через 10–15 Афины впервые предпринимают попытку включиться в Великую греческую колонизацию: отправляют морскую экспедицию в Геллеспонт, основывают апойкии в Сигее и Элеунте⁶⁷. Что можно сказать по этому поводу? Да, участие афинян в колонизационном движении архаической эпохи было достаточно поздним и не слишком активным. Но причину подобного положения дел совершенно незачем искать в специфике государственного устройства, ибо причина эта лежит в совсем иной сфере, и она предельно ясна. Афины, будучи одним из самых больших по территории полисов Эллады, не страдали в рассматриваемый период от стенохории и не нуждались в удалении излишнего населения (скорее напротив)⁶⁸.

Все вышеперечисленные факты и события, подчеркнем, имели место еще до реформ Солона. Ну и где же здесь хоть малейший намек на то, что Афины VII в. до н.э. не были полисом? Факты, как видим, свидетельствуют совсем об ином: в Афинах в названном столетии происходило принципиально то же, что и в других регионах Греции, в которых наличие полисных структур несомненно. А следовательно, и Афины развивались как совершенно нормальный архаический полис. Точнее будет сказать так: на протяжении VII в. до н.э. в Афинах завершилось формирование архаического полиса (примерно к середине столетия, как и следовало ожидать) и вскоре началось складывание классического полиса. Налицо – и все те процессы, которые являлись внешним выражением этих глубинных тенденций политогенеза. Среди этих процессов – формирование магистратур, законодательство, колонизация, межаристократическая борьба, чреватая тиранией (пусть пока еще и не приведшая к ней).

Повторим вновь и вновь: это ровно те же самые процессы, которые имели место и в других полисах этого времени. Да, пожалуй, развитие полисных структур (и, соответственно, прохождение основных необходимых этапов) в Афинах шло несколько более медленными темпами, чем, например, в Коринфе или Мегарах, но зато более быстрыми, нежели, допустим, в городах соседней Беотии⁶⁹. Иными словами, афинский полис до солоновских преобразований эволюционировал средними темпами, что, в общем, вполне находится в рамках традиционных представлений, с которыми полемизируют ученые «школы Морриса».

Разумеется, становление полиса в Афинах имело свою специфику. Но сказать это – значит всего лишь сказать банальность, ибо, как мы уже отметили в начале

⁶⁶ Фролов 1988, 120.

⁶⁷ Об этих событиях нам доводилось писать подробнее: Суриков 2010в, 31 слл.

⁶⁸ Иногда встречающиеся в литературе утверждения о том, что в архаической Аттике наблюдалась стенохория (например: Manville 1990, 122; Блаватская 2003, 313, 315), приходят в вопиющее противоречие с исторической действительностью. Совершенно справедливо замечание Р. Осборна, что главной аграрной проблемой архаических Афин была не нехватка земель, а наоборот, нехватка рабочих рук для обработки этих земель, существовавших в достаточном количестве (Osborne 1996, 221; ср. также Hurwit 1985, 80; Rihl 1991, 102).

⁶⁹ Это легко прослеживается на конкретике. Так, в Коринфе и Мегарах тиранические режимы установились в VII в. до н.э., Афины «созрели» для тирании только в следующем столетии, а Беотия не дошла до этой стадии даже и тогда. Аналогично и с колонизационным движением: афинская колонизация началась много позже коринфской и мегарской и была куда менее активной, но беотийские полисы по обоим этим показателям значительно уступали даже и Афинам.

статьи, становление *каждого* эллинского полиса имело свою специфику, и двух «полисов-близнецов» в Греции не было. **A fortiori это относится к Афинам, в которых уже такой фактор, как очень крупный (по греческим полисным меркам) размер хоры, диктовал некоторые особенности в ходе развития.** Но эти особенности не выходили все же за рамки общих закономерностей, характерных для рассматриваемой эпохи.

* * *

Насколько нам представляется, главные методологические ошибки И. Морриса и его сторонников, из которых вытекает и ущербность их остальных построений, заключаются в следующем. Выше уже говорилось об издержках «ультра-археологического» подхода с порождаемым им гиперкритическим пренебрежением свидетельствами нарративной традиции. Собственно, этот подход представляет собой доведение до логического предела (иногда хочется сказать – до абсурда) тех тенденций, которые имманентны для самого направления «новой классической археологии». Если в рамках более традиционных методик археологический материал интерпретируется в свете письменных источников, то представители направления, о котором идет речь, призывают анализировать этот материал сугубо независимо от любых иных данных и на основании такого анализа делать ответственные выводы, реконструировать имевшие место процессы и т.д. Свои теоретические принципы они активно реализуют на практике.

Вот и получается, что их реконструкции истории архаических Афин никак не коррелируют с теми реконструкциями, которые осуществляются историками-нарративистами. Перед нами две совершенно не похожие друг на друга картины и, можно сказать, как бы два разных государства: в одном политогенез происходит в формах, в целом аналогичных тем, в которых он происходил и в других развитых регионах Эллады (и это как мы видели, подтверждается фактами), а в другом он самым резким образом отклоняется от нормы, вплоть до ликвидации полисных структур. Признать историческую реальность этих «вторых Афин» можно, как нам представляется, лишь в том случае, если совершенно закрыть глаза на то, что сообщают нам античные авторы. Это будет шаг вперед или назад?

Еще более важно вот что. Ученые, чьи работы рассматривались выше, смешивают понятия полиса и демократии. Для них полисом является только такое античное государство, в котором низшие слои населения уравниваются с высшими и пользуются одинаковыми с ними гражданскими правами. А если налицо отсутствие подобного положения дел – то перед нами вроде бы уже и не полис.

Да, в демократических, эгалитарных полисах уравнивание граждан, о котором тут говорится, действительно было реальностью. Но полисы такого типа характерны для классического периода истории Эллады; в эпоху же архаики решительно преобладали олигархические⁷⁰. Разумеется, таковым следует считать и Афины VIII–VII вв. до н.э. А отказывать олигархическому полису в праве являться и называться полисом абсолютно неправомерно; это означало бы – отвергать всю античную традицию во главе с Аристотелем и выдвигать на ее место собственные, в известной мере произвольные выкладки. Если придерживаться подобных критериев, в

⁷⁰ Попытка Э. Робинсона (1997) отыскать демократии в греческом мире эпохи архаики принесла, конечно, кое-какие результаты, но, честно говоря, не слишком впечатляющие. И в любом случае все эти архаические демократии относятся ко времени не ранее VI в. до н.э.

древней Греции (на родине полиса!) и полисов-то почти не останется, поскольку лишь очень немногие из них дошли до степени столь радикальной демократии, что предоставляли всю полноту прав, скажем, неимущим беднякам. Нежизнеспособность того или иного выдвинутого в науке положения можно продемонстрировать и так – доведением его до абсурда.

В связи с полисным эгалитаризмом, на котором столь настаивает школа Морриса, хотелось бы сказать еще несколько слов. Эгалитаризм отнюдь не тождествен демократии в смысле всеобщего равенства. Вполне возможен эгалитаризм как равенство внутри релевантной группы. Применительно к архаическим полисам, олигархическим по форме правления и аристократическим по составу правящего слоя, приходится говорить о своего рода «элитарном эгалитаризме» (пусть этот невольный каламбур не покажется содержащим в себе внутреннее противоречие⁷¹).

Эгалитаризм такого типа возник в Элладе намного раньше, чем какие бы то ни было демократические идеи. Собственно, он появился с крушением примитивных протополисных монархий и заменой их на аристократические режимы (последние уже зиждидились на коллегиальности управления и равенстве между членами правящей элиты). Иными словами, со складыванием архаического полиса. Сам термин *ἰσονομία*, несомненно, выковался еще в среде аристократов VI в. до н.э. Это с одной стороны. А с другой – даже и в классическую эпоху ни в одном, хоть самом демократическом греческом полисе не была достигнута полная степень эгалитаризма – до такой степени полная, чтобы распространить принципы равенства, скажем, на женщин, метэков, не говоря уж о рабах... Иными словами, полис, несмотря ни на что, всегда оставался в известной мере элитарной структурой. В олигархических роль элиты играл правящий слой, а в демократических – весь демос, коллектив граждан. Но он все-таки был элитой, если рассматривать отношение этой группы к остальному населению.

Таким образом, признание эгалитаризма как базового принципа полисного социума неизбежно, и тут И. Моррис прав. Но для полной точности необходима оговорка, уточнение: следовало бы говорить не просто об эгалитаризме, а именно об элитарном эгалитаризме (с варьирующейся степенью элитарности для различных конкретных случаев).

Говоря вообще, ясно, что в архаическом полисе эта элитарность была *ceteris paribus* выражена более ярко, в классическом – менее. Не можем здесь не заметить, что применение этой предлагаемой нами стадийно-типологической дихотомии, «архаический полис – классический полис», значительно лучше позволяет понять всю ту проблематику, о которой шла речь в данной статье. Взять хотя бы реформы Солона. В подобном контексте они оказываются, вопреки Моррису и его последователям, не восстановлением в Афинах полиса, ранее якобы прекратившего существование, а ключевым шагом в процессе перерождения архаического полиса в классический – «второй архаической революции» по Снодграссу.

Все становится на свои места; свидетельства нарративных источников, данные археологии и общеисторические соображения перестают противоречить друг другу и приходят в полную корреляцию. Появляется возможность предложить следующую периодизацию афинского политогенеза в архаическую эпоху:

⁷¹ Хотя слова «элитарный» и «эгалитарный» часто противопоставляют (например: Молчанов 2000, 6; Туманс 2006, 93), но тут, кажется нам, сказывается скорее именно желание воспользоваться удачным каламбуром, нежели стремление к терминологической точности. Эти два термина ни в каком отношении не являются антонимами.

VIII в. до н.э. – революционная стадия политогенеза («первая архаическая революция»): формирование архаического полиса. Как следствие – высокий динамизм происходящих процессов.

VII в. до н.э. – спокойная стадия политогенеза. Как следствие – замедление ранее имевшего место динамизма и некоторая стагнация (то, что некоторым археологам представляется признаком «отсутствия полиса»).

VI в. до н.э. – вновь революционная стадия политогенеза («вторая архаическая революция»): превращение архаического полиса в классический. В результате – опять высокий динамизм происходящих процессов, начиная с реформ Солона.

Литература

1. Андреев Ю.В. 1988: Архаическая Греция // История Европы. Т. 1. Древняя Европа / Е.С. Голубцова (ред.). М., 217–259.
2. Блаватская Т.В. 2003: Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н.э.). СПб.
3. Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. 1996: Гомер и история Восточного Средиземноморья. М.
4. Дементьева В.В., Суриков И.Е. 2010: Античная гражданская община: греческий полис и римская *civitas*. Ярославль.
5. Завойкин А.А. 2007: Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления территориальной державы. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
6. Завойкин А.А., Сударев Н.И. 2006а: Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Часть I // ДБ. 9, 101–151.
7. Завойкин А.А., Сударев Н.И. 2006б: Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Часть II // ДБ. 10, 263–303.
8. Молчанов А.А. 2000: Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н.э. (Проблемы источниковедения миноистики и микенологии). М.
9. Молчанов А.А. 2004: Персеиды-Гераклиды-Темениды: идея непрерывной династической легитимности в официальных родословных античных монархов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти / И.Г. Коновалова (ред.). М., 151–159.
10. Немировский А.А. 2001: У истоков древнееврейского этногенеза. Ветхозаветное предание о патриархах и этнополитическая история Ближнего Востока. М.
11. Немировский А.А. 2002: «Троянская дискуссия» в историографической перспективе: возможен ли определенный результат? // *Studia historica*. 2, 14–43.
12. Пальцева Л.А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб.
13. Соломатина Е.И. 2011: Из истории политической борьбы в архаическом Милете: проблемы датировки событий и интерпретации источников // АМА. 15, 15–24.
14. Суриков И.Е. 2000: Из истории греческой аристократии поздnearхаической и классической эпох. Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э. М.
15. Суриков И.Е. 2005: Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М.
16. Суриков И.Е. 2006а: Остракизм в Афинах. М.
17. Суриков И.Е. 2006б: Древнейшие афинские монеты (*Warpenmünzen*): проблемы интерпретации и датировки // АМА, 43–51.
18. Суриков И.Е. 2007а: Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М.
19. Суриков И.Е. 2007б: К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском: стадийно-типологический контекст // ИИАО. 9–10, 140–156.
20. Суриков И.Е. 2007в: Досолоновские «шестидольники» и долговой вопрос в архаических Афинах // ВДИ. 3, 28–46.
21. Суриков И.Е. 2008: Солнце Эллады: история афинской демократии. СПб.
22. Суриков И.Е. 2009а: «Херсонес изначальный» или «предхерсонесское поселение»? // *Studia historica*. 9, 185–201.
23. Суриков И.Е. 2009б: Еще раз о законодательствах Драконта и Солона в Афинах (полемиические заметки). Часть II // ИИАО. 12, 5–37.

24. Суриков И.Е. 2010а: Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис. Курс лекций / В.В. Дементьева, И.Е. Суриков (ред.). М., 8–54.
25. Суриков И.Е. 2010б: Воительница Афина: Солон, Писистрат и афинское полисное ополчение в VI в. до н.э. // Мнемон. 9, 27–54.
26. Суриков И.Е. 2010в: Великая греческая колонизация: экономические и политические мотивы (На примере ранней колонизационной деятельности Афин) // АМА. 14, 20–48.
27. Суриков И.Е. 2011а: К проблеме формирования греческого полиса: Афины в VIII–VII вв. до н.э. // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза / Е.А. Мельникова (ред.). М., 273–278.
28. Суриков И.Е. 2011б: Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М.
29. Суриков И.Е. 2011в: Очерки об историописании в классической Греции. М.
30. Суриков И.Е. 2012а: Архонтат в Афинах: от истоков института до утраты им политического значения // ВДИ. 2, 29–54.
31. Суриков И.Е. 2012б: Две проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («взгляд из Эллады») // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза / Е.А. Мельникова (ред.). М., 311–315.
32. Суриков И.Е. 2012в: Война как фактор политогенеза в архаической и классической Греции: к вопросу о направленности воздействия // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза / Е.А. Мельникова (ред.). М., 240–245.
33. Туманс Х. 2006: К идее государства в архаической Греции // ВДИ. 3, 77–105.
34. Туманс Х. 2007: Еще раз об аристократизме и «буржуазности» Солона // ВДИ. 2, 19–39.
35. Фролов Э.Д. 1988: Рождение греческого полиса. Л.
36. Якобсон В.А. 2012: Введение в историю бюрократии // ВДИ. 1, 81–125.
37. Almeida J.A. 2003: Justice as an Aspect of the Polis Idea in Solon's Political Poems: A Reading of the Fragments in Light of the Researches of New Classical Archaeology. Leiden.
38. Anhalt E.K. 1993: Solon the Singer: Politics and Poetics. Lanham.
39. Bernal M. 2006: Black Athena: The Afroasiatic Roots of Classical Civilization. Vol. 3. The Linguistic Evidence. New Brunswick.
40. Blaise F. 2006: Poetics and Politics: Tradition Re-worked in Solon's 'Eunomia' (Poem 4) // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches / J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.). Leiden – Boston, 114–133.
41. Blois L. de. 2006: Plutarch's Solon: A Tissue of Commonplaces or a Historical Account? // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches / J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.). Leiden – Boston, 429–440.
42. Camp J.M. 1979: A Drought in the Late Eighth Century B.C. // Hesperia. 48, 397–411.
43. Cook R.M. 1989: The Francis – Vickers Chronology // JHS. 109, 164–170.
44. Davies J.K. 1997: The 'Origins of the Greek Polis': Where should we be Looking? // The Development of the Polis in Archaic Greece / L.G. Mitchell, P.J. Rhodes (eds.). L. – N.Y., 13–20.
45. Davies J.K. 2009: The Historiography of Archaic Greece // A Companion to Archaic Greece / K.A. Raaflaub, H. van Wees (eds.). Oxf., 3–21.
46. Day J., Chambers M. 1962: Aristotle's History of Athenian Democracy. Berkeley.
47. Edwards A.T. 2004: Hesiod's Ascrea. Berkeley.
48. Ellis J.R. 1994: Thucydidean Method in the Kylon, Pausanias and Themistokles Logoi // Arethusa. 27, 2, 165–191.
49. Fisher N. 2000: Hybris, Revenge and Stasis in the Greek City-States // War and Violence in Ancient Greece / H. van Wees (ed.). L., 83–123.
50. Francis E.D. 1990: Image and Idea in Fifth-Century Greece: Art and Literature after the Persian Wars. L.–N.Y.
51. Gagarin M. 1986: Early Greek Law. Berkeley.
52. Gehrke H.-J. 1985: Stasis. Untersuchungen zu den inneren Kriegen in den griechischen Staaten des 5. und 4. Jahrhundert v.Chr. München.
53. Hall E. 1992: When is a Myth not a Myth? Bernal's «Ancient Model» // Arethusa. 25, 1, 181–201.
54. Hanson V.D. 1993: Introduction: The Ideology of Hoplite Battle, Ancient and Modern // Hopliters: The Classical Greek Battle Experience / V.D. Hanson (ed.). L., 3–11.
55. Hölkeskamp K.-J. 1999: Schiedsrichter, Gesetzgeber und Gesetzgebung im archaischen Griechenland. Stuttgart.
56. Hurwit J.M. 1985: The Art and Culture of Early Greece, 1100–480 B.C. Ithaca.

57. *Irwin E.* 2005: Solon and Early Greek Poetry: The Politics of Exhortation. Cambr.
58. *Koerner R.* 1993: Inschriftliche Gesetzestexte der frühen griechischen Polis. Köln.
59. *Köiv M.* 2003: Ancient Tradition and Early Greek History: The Origins of States in Early-Archaic Sparta, Argos and Corinth. Tallinn.
60. *Krentz P.* 2002: Fighting by the Rules: The Invention of the Hoplite Agôn // *Hesperia*. 71, 23–39.
61. *Kyratas D.J.* 2011: Slavery and Economy in the Greek World // *The Cambridge World History of Slavery*. Vol. 1. The Ancient Mediterranean World // K. Bradley, P. Cartledge (eds.). Cambr, 91–111.
62. *Legon R.P.* 1981: Megara: The Political History of a Greek City-State to 336 B.C. Ithaca.
63. *Lintott A.* 1982: Violence, Civil Strife and Revolution in the Classical City, 750–330 B.C. Baltimore.
64. *McGlew J.F.* Tyranny and Political Culture in Ancient Greece. Ithaca.
65. *Manicas P.T.* 1982: War, Stasis, and Greek Political Thought // *Comparative Studies in Society and History*. 24, 673–688.
66. *Manville Ph.B.* 1990: The Origins of Citizenship in Ancient Athens. Princeton.
67. *Morris I.* 1987: Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State. Cambr.
68. *Morris I.* 1992a: The Early Polis as City and State // *City and Country in the Ancient World* / J. Rich, A. Wallace-Hadrill. L. – N.Y., 25–59.
69. *Morris I.* 1992b: Death-Ritual and Social Structure in Classical Antiquity. Cambr.
70. *Morris I.* 2004: Equality and the Origins of Greek Democracy // *Ancient Greek Democracy: Readings and Sources* / E.W. Robinson (ed.). Oxf., 45–74.
71. *Morris I.* 2009: The Eighth-Century Revolution // *A Companion to Archaic Greece* / K.A. Raaflaub, H. van Wees (eds.). Oxf., 64–80.
72. *Mülke Chr.* 2002: Solons politische Elegien und Iamben (Fr. 1–13: 32–37 West). Einleitung, Text, Übersetzung, Kommentar. Lpz.
73. *Ober J.* 2003: Tyrant Killing as Therapeutic *Stasis*: A Political Debate in Images and Texts // *Popular Tyranny: Sovereignty and its Discontents in Ancient Greece* / K.A. Morgan (ed.). Austin, 215–250.
74. *Osborne R.* 1996: Greece in the Making, 1200–479 B.C. L. – N.Y.
75. *Raaflaub K.A., Ober J., Wallace R.W.* 2007: Origins of Democracy in Ancient Greece. Berkeley.
76. *Rihll T.E.* 1991: EKTHMOPOI: Partners in Crime? // *JHS*. 111, 101–127.
77. *Robinson E.W.* 1997: The First Democracies: Early Popular Government outside Athens. Stuttgart.
78. *Salmon J.B.* 1997: Wealthy Corinth: A History to the City to 338 B.C. Oxf.
79. *Shipley G.* 1987: A History of Samos 800–188 B.C. Oxf.
80. *Snodgrass A.M.* 1981: Archaic Greece: The Age of Experiment. Berkeley.
81. *Snodgrass A.M.* 1987: An Archaeology of Greece: The Present State and Future Scope of a Discipline. Berkeley.
82. *Snodgrass A.M.* 1992: Archaeology and the Study of the Greek City // *City and Country in the Ancient World* / J. Rich, A. Wallace-Hadrill. L.–N.Y., 1–24.
83. *Snodgrass A.M.* 2006: Archaeology and the Emergence of Greece. Edinburgh.
84. *Stanley P.V.* 1999: The Economic Reforms of Solon. St. Katharinen.
85. *Thomas C.G., Conant C.* 1999: Citadel to City-State: The Transformation of Greece, 1200–700 B.C.E. Bloomington.
86. *Todd S.C.* 1991: Response to Sally Humphreys // *Symposion 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte* / M. Gagarin (Hrsg.). Köln, 47–51.
87. *Ulf C.* 2009: The World of Homer and Hesiod // *A Companion to Archaic Greece* / K.A. Raaflaub, H. van Wees (eds.). Oxf., 81–99.
88. *Vickers M.* 1985: Early Greek Coinage, a Reassessment // *Numismatic Chronicle*. 145, 1–44.
89. *Vickers M.* 1990: Attic Symposia after the Persian Wars // *Sympotica: A Symposium on the Symposium* / O. Murray (ed.). Oxf., 105–121.
90. *Wees H. van.* 2000: The Development of the Hoplite Phalanx: Iconography and Reality in the Seventh Century // *War and Violence in Ancient Greece* / H. van Wees (ed.). L., 125–166.
91. *Williams D.* 1996: Refiguring Attic Red-figure: A Review Article // *Revue archéologique*. 2, 227–252.
92. *Woodhouse W.S.* 1965: Solon the Liberator: A Study of the Agrarian Problem in Attika in the Seventh Century. Repr. ed. N.Y.

ATHENS IN THE EIGHTH
AND SEVENTH CENTURIES B.C.: EMERGENCE
OF AN ARCHAIC POLIS

(To the Problem of the Degree of Specificity of the «Attic way»)

I. E. Surikov

The Archaic period was crucial for the development of Greek statehood. Quite right is A. Snodgrass when he speaks of *two* «Archaic revolutions», one of them close to the beginning and the other to the end of the period. One might add that in the course of the first revolution the Archaic type of polis emerged, and in the course of the second one it changed (in some regions) to the Classical type.

As to Athens, according to one influential modern view (I. Morris and his followers), in that state there was no polis at all during the seventh century. Such a development, regressive in its character, would have been unique. The main task of this paper is to demonstrate that the opinion in question is a mistake. The evolution of the Athenian state during the Archaic period was in principle quite normal and not very different from what took place in other major Greek centers.

Keywords: Athens, polis, Archaic period, political development, egalitarianism, hypercriticism.